Люк увидел безграничное отчаяние, окутавшее Чашу за мгновение до ее отъезда. Его сердце разбилось, увидев ее в таком состоянии. Он отчаянно пытался пошевелить конечностями. Он хотел остановить ее, чтобы она не ушла. У него было представление о том, что она чувствует в тот момент, и он хотел протянуть руку и взять ее в свои объятия. Она была не одна. Он был у нее.

Через несколько минут Люк снова смог двигаться. Он бросился к трем, которые были жалко лежали на земле в нескольких метрах от кровавой расправы. Он пристально посмотрел на трупы бандитов, которых в одиночку сбила Чалис.

Люк проверил их. Рай и Уорд уже потеряли сознание. И Леви пытался удержать свой последний кусочек сознания. В его глазах Люк смотрел на него с шоком, неверием, но более того, беспокойством.

Они бы солгали, если бы сказали, что не сомневались в том, как Чалис сделала то, что она сделала. Но это было ничтожно. Они оба поклялись ей в жизни. Несмотря на то, что Леви и Чалис препирались с каждой мелочью, он относился к ней, как к своей драгоценной младшей сестре. И Люк, больше ничего нельзя сказать за него. Его любовь к Чалисе пересекает все границы здравомыслия. Ему плевать на ее секреты. Это ее секреты. У него тоже есть свои секреты. Им была важна только она, она сама.

"Люк, приведи... приведи ее обратно". Ты должен... вернуть ее. Она слишком... далеко ушла. Ее глаза были так... безжизненны, что это меня напугало. Как будто мы... мы собирались ее закрыть".

Леви задыхался и пытался выплюнуть слова в сердце, когда Люк ухаживал за ранами. Люк знал, что он говорил. Он тоже этого боялся.

С натянутым лицом и поспешными руками он залатал их и понес в карете. Он так хотел догнать ее, но он не оставил этих троих мужчин на произвол судьбы.

"Я найду ее. И приведу ее обратно. Она наша принцесса. Ничто этого не изменит. И это единственная правда, которую мы когда-либо признаем."

Он твёрдо сказал Леви, а потом отправился обратно в карету. Он планировал оставить людей обратно в Долину Ветров и искать Чалис. Она оказалась в опасной ситуации. Даже если ему придется переверачивать сам ад, он найдет ее.

И когда он это сделает, Люк больше никогда ее не отпустит.

Он больше не будет сдерживаться.

Чалис не знала, куда она направляется. Не то, чтобы ей было не все равно. Она позволила Ониксу скакать куда угодно, не потрудившись направить его. Ветер причёсывал её холодное лицо, как деревья размывали её вид. Ее разум все еще был пуст.

Она пришла в себя только тогда, когда Оникс остановился возле небольшого ручья. Бедная лошадь, наверное, измучилась за то, что бегала без остановки. Сумерки уже поселились. Песня сверчка смешалась с далекими звуками диких зверей. Но в сердце Чаши была тишина.

Она безразлично оценивала свое местонахождение. Кажется, она вошла во внутреннее святилище зверей в горах Зеру. Чаличе знала, что ей стоит волноваться. Лес был опасен. Даже для кого-то вроде нее. Особенно теперь, когда она была не в оптимальном состоянии.

Тем не менее, у Чаличе просто не было сил беспокоиться. Она чувствовала себя уставшей. Ее разум был безжалостно бороться с повторяющимися образами бесконечной кровопролития, и она принимала его последствия для ее сердца, души и ума.

Маленький голос, однако, призвал ее. Как мерцание тусклой звезды в темной, безлунной ночи. Он отличался от других мыслей, вращающихся в ее сознании в данный момент.

"Возвращайся!"

"Тебе нужно вернуться!"

"Ты больше не тот человек."

"Тебя ждут люди."

"У тебя есть люди, которым не все равно."

"У тебя есть люди, которые любят тебя."

"У тебя есть люди, которые примут тьму в тебе."

"Они не уйдут."

"Возвращайся, Чалис!"

Голос продолжал повторять слова. Снова и снова. Как заезженная пластинка. Это раздражало ее, но они также искрились в замерзшем сердце, заставляя ее слушать и повиноваться.

Вскоре она начала задавать себе вопросы. Мокрые, горячие слезы грозили свободно струиться в ее глазах, как улыбчивые лица людей, которых она дорожила этим миром, вспыхивали в ее голове. Неужели она уже не та? Есть ли у нее шанс? Что, если голос был неправильным? Что если это просто дает ей ложную надежду? Она больше не может терпеть разочарования. Она просто не может.

Её голова болит от разгорающейся в ней диссонансы. И вдруг, шорох напугал Чалис. Оникс осторожно подружился с ней. Огромные кусты, ведущие к ручью, яростно двинулись, прежде чем обнаружили геркулеса, золотого льва со странной отметиной на лбу.

Аслан!

Чашка встала, мгновенно забыв о своей глупости. Это был ее Аслан. Она собиралась бежать к льву, когда Оникс подбежал к ее переднему защитнику. Ее глаза удивленно расширились, прежде чем на ее безжизненном лице появилась маленькая улыбка.

"Оникс" - это нормально. Он Аслан. Он мой зверь, как и ты. Он не причинит мне вреда."

Она мягко произнесла хриплым голосом, успокаивая черного жеребца. Лошадь смирилась, прежде чем уступить ей дорогу. Хотя она все еще стояла на страже за спиной.

Клэри всхлипнула от рыданий, когда подбежала к большому котенку. Клэри обняла золотой мех, до которого могла дотянуться рука. Ее болезненные крики вырвались из-под ее контроля. Лев, казалось, почувствовал ее хрупкое и уязвимое состояние. Он упал на землю и на живот, позволив Клэри похоронить ее лицо в его огромной шее. Его мех заглушил ее крики и скрыл ее слабую форму от мира.

Лошадь Грома села на четыре ноги, там, рядом со львом и девушкой, сэндвичивая ее между ног. Оба зверя образовали защитный кокон, нарисовав контрастно скудную, но умиротворенную картину.

<http://tl.rulate.ru/book/35442/894809>